

## Встреча С.Кириенко с общественностью 22 июня 2007 года. Стенограмма выступления

Стенограмма публикуется "как есть", без редакторской правки. Запись и расшифровка произведены активистами организации "Автономное действие".

Редакция БАБР.RU просит своих читателей сделать скидку на стилистические особенности прямой речи и обсуждать только содержательную часть выступления.

---

Что за программы будут реализовываться здесь? Планы, которые существуют по развитию Ангарского комбината.

С чем связано развитие Ангарского комбината. Первое: вы знаете, президентом России принята большая программа развития атомной энергетики в России. В своем послании он говорил, что если за все советские годы мы построили 30 атомных энергоблоков, только до 2020 г. и только в России мы должны построить 24. Фактически за 12 с небольшим лет. [Если] за последние 15 лет мы построили 3 новых энергоблока, даже не построили, а достроили – советского задела, то теперь мы должны выходить по 2 энергоблока в год [чтобы] обеспечить сохранение доли атомной энергетики в энергобалансе страны, 16% электроэнергии страны. Для сравнения – в развитых странах, – т.е. странах, которые располагают всей полнотой технологии, – средняя доля атомной энергетики в энергобалансе 38%. Россия – страна, которая создала первую атомную электростанцию в мире, имеет в 2,5 раза меньше. Я не говорю о том, что во Франции, например, 78%, в Бельгии 46% и т.д. Поэтому президентом поставлена задача, чтобы доля атомной энергетики у нас (мы не гонимся за 38) – она должна быть оптимальна, оптимальный показатель находится между 25 и 30. 25% – оптимальная структура энергобаланса.

Собственно, к этому мы и должны прийти, такая задача пред нами поставлена, плюс строительство атомных станций за рубежом, – сегодня в мире пошел ренессанс атомной энергетики, дело не в том, что в какой-то момент решили, что атомная энергетика такая уж прекрасная. Просто реальная оценка запасов углеводорода в мире, понимание того, что происходит с ценами на газ, на нефть, уголь, исчерпаемость ресурсов углеводородов привели к тому, что фактически везде в мире, где имели опыт атомной энергетики, приняли решение строить. Пока такое решение не приняла Германия.

Хотя могу сказать, что (по неофициальным разговорам) люди, ответственные за развитие атомной энергетики в Германии, говорят о том, что "естественно, мы еще года до 12-14го поиграем в это дело, а потом опять же примем решение о том, что будем строить новые энергоблоки", поскольку тепла в Германии производится 32% на атомных электростанциях. И если б у нас было 32%, мы бы тоже могли позволить себе пообсуждать эту тему лет 10, а потом принимать решения. Новые станции моложе наших в среднем на 10-15 лет, у них действительно до принятия такой программы, как у нас, смело есть 10-15 лет.

Поэтому в мире сегодня спрос на атомную энергетику большой, российские технологии абсолютно конкурентоспособны, поэтому у нас большой пакет заказов на строительство новых энергоблоков. Я бы сказал, что мы не на все соглашаемся, потому что мы все-таки должны в первую очередь выполнить программу развития энергетики внутри страны.

Отсюда, собственно, появляется запрос на развитие предприятий ядерно-топливного цикла. В первую очередь – добыча природного урана. Основной объем российской добычи природного урана здесь, по соседству, Читинская область, Приаргунье. Но не только серьезно идет геологоразведка, и мы понимаем все природные запасы урана в России.

Кстати, к вопросу – значит, такая дилемма была сейчас, [якобы] через 10-15 лет придется останавливать эксплуатацию, потому что кончится природный уран. Могу вас смело заверить, что в ближайшие 30, 40 и 50 лет природный уран не кончится. Запасы природного урана, которыми мы сейчас располагаем, складские запасы... не могу называть эту цифру, она, к сожалению, гостайной является – госзапас урана. Но сочетание

запасов, которые разведанные мы имеем, могу назвать – 851 тысяча тонн только на территории РФ, плюс те месторождения и те совместные предприятия, которые мы в последнее время создали за рубежом: Казахстан 163 тысячи тонн, и Армения от 35 до 50, и Украина, с которой мы сейчас договорились на месторождение Нухалтатиновское – 130 тысяч тонн, и Монголия, находящаяся по соседству, Намибия, ЮАР, Канада и Австралия, Узбекистан – ну и так далее. Фактически везде, где в мире есть уран, мы везде там работаем, и это позволяет нам сказать, что все те реакторы, которые работают у нас сегодня, и все те реакторы, которые мы собираемся построить по этой программе, новые атомные станции будут работать 60 лет по современным мировым стандартам. Вот на весь срок эксплуатации они будут обеспечены природным ураном, – даже если нам вдруг перекроют кислород и перестанут поставлять уран за рубежом (что маловероятно, поскольку мы там везде входим не просто как покупатели, мы везде входим в инвестиции и везде становимся собственниками соответствующих месторождений, и поэтому не поставить оттуда уран не могут). Поэтому в этом смысле ураном мы обеспечены.

И вторая задача – собственно мощности по обогащению и конверсии. В этой связи Россия один из мировых лидеров. У нас 45% мировых мощностей по обогащению. При этом мы обладаем уникальными технологиями, которыми обладает очень небольшое количество стран в мире, это собственно технологии центрифужного обогащения, которые работают здесь на АЭХК. Ну, для сравнения я могу сказать: американцы, признанные лидеры в технических вещах и атомной энергетике в том числе, более 100 энергоблоков, вот американцы не имеют центрифужного обогащения урана. Пытаются создать его вот уже на протяжении нескольких десятилетий. Пока проект "американская центрифуга" не получается, технически не получается. Не то, что не хотят – миллиарды вкладывают, не получается. Поэтому центрифуга – уникальное инженерное сооружение, это отдельный разговор, и Геннадий Иванович расскажет лучше, чем я. Поэтому для нас принципиально важным является развитие предприятий ядерно-топливного цикла.

У вас планируется на АЭХК три программы. Вот сейчас, пожалуйста, внимание – я попробую их внимательно разложить. Потому что в них происходит колоссальная путаница. Они все перемешались друг с другом, и программа превратилась в нечто такое общее. Какие проекты есть на Ангарском комбинате? Проект №1: собственно, давно утвержденный проект, не сейчас придуманный, никак не связанный ни с какими центрами – это расширение мощностей Ангарского комбината. Этот проект предусматривает... Сегодня Ангарский комбинат – это 2,6 миллионов гидроединиц разделений, в которых считается мощность разделительных комбинатов. Мы должны увеличить мощность Ангарского комбината минимум до 4 миллионов. Это программа, которая расписана до 2015 г. включительно. Есть гипотеза, что надо делать чуть быстрее, потому что спрос растет быстрее. Программа запланирована, утверждена, и к ней, собственно, надо быть готовым и по ней действовать. Программа, еще раз, не имеющая никакого отношения [ни] к международному центру, ни с центром Казахстана. Собственная программа развития комбината.

Какие здесь есть подводные камни. Это вот то, с чего мы начали, отвальный гексафторид урана. Попросил бы очень строго к таким вещам относиться, потому что в какомбинато смысле это серьезно, вопрос безопасности здесь существенный и в этом смысле мы считаем: что оно под таким жестким, плотным контролем общественности находится – это правильно, за нами безусловно нужно следить. Нужно обязательно участвовать в этом процессе, должна быть сложная система общественного контроля. Единственная просьба, чтобы этот контроль был открытым в 2 факторах: [первое] – честно, второе – чтоб на какомбинато уровне, необходимо профессиональном. Я понимаю, что мы не можем предъявить тем, кто контролируют нас от гражданского общества, требования, чтоб они знали на уровне главного инженера АЭХК, – этого не требуется, но по крайней мере такие принципиальные вещи, чтоб мы разговаривали одним языком. Изменение слова имеет еще несколько значений.

АЭХК не несет с собой никакой опасности, ядерный центр не имеет в своей деятельности, никогда не имел и никогда не будет иметь никаких ядерных рисков. Поэтому когда я слышу ...о ядерной опасности, Чернобыле на Байкале, ядерной опасности, ядерных отходах, ну это, мягко скажу, несколько непрофессионально. Потому что никакой ядерной угрозы (то есть, ядерная угроза – это угроза возникновения ядерной реакции, цепной реакции) – невозможно, имея дело с настолько низкообогащенным ураном. Такое теоретически возможно было на обогатительных комбинатах, которые занимались обогащением урана в военных целях, когда создаются боеголовки – там обогащение урана достигает 95%, вот там ядерная безопасность вступает в полный провал. Вот ангарский комбинат никогда этого не делал. Поэтому в этом смысле и не будет делать, поэтому такой вопрос совсем неуместен. Начиная там с 1988 года, 1989 – факт. В общем, с 1989 г. у нас в России не один комбинат не обогащает уран для военных целей. В этом смысле понятие ядерная безопасность для обогатительных комбинатов просто бессмысленна по определению.

Объект не представляет угрозы с точки зрения радиационной безопасности. Потому что наиболее опасные в

этом вещи – это сублиматное производство, которое находится внутри цехов, и за всю историю Ангарского комбината не было ни одного случая, [чтобы] какие-то были последствия любых сбоев оборудования, или человеческого фактора, за все 50 лет работы комбината, [которые] привели к какому-то [бы] ни было выходу. Не было не только радиоактивного повышения, но и какой-то бы ни было угрозы за пределами завода в целом. Есть несколько технологических проблем, которые возникали в истории комбината, все они были локализованы внутри соответствующего цеха. Никакого риска выхода радиации за пределы Ангарского комбината не существует. С точки зрения отвального гексафторида... Я специально заехал на эту площадку для хранения, поскольку прочитал по дороге (самолет долго летит, у меня была возможность прочитать местную прессу, месяца за 2 подборку), поэтому я специально заехал и замерил дозиметром, сколько уровень радиации [там], где происходит обогащение урана, – уровень радиации 22 рентгена. Это природный фон, для сравнения: на набережной СПб гранит был 45, у памятника Гоголю последнее – 65. Значит, абсолютный фон на складе гексафторида на площадке, если поднести дозиметр прямо к контейнеру на стенке контейнера будет только 300 микрорентген, это чуть меньше, чем в самолете. Мы сейчас полетим в Москву – у нас будет 350. Значит, непосредственно от него – 300, отходим на 10 метров, мы встали, посередине на перекрестке между контейнерами – уже 200. 10 метров от ограждения этого склада хранения гексафторида – 25-30 микрорентген. Это к вопросу о радиационной опасности. Поэтому такой опасности нет, тем не менее, такая проблема есть, надо честно сказать: действительно есть проблема, может и должна вызывать беспокойство. Это проблема, связанная с гексафторидом урана, но никогда не несущая никакой ядерной опасности (не представляет, никакой радиационной безопасности не представляет); опасность представляющая химическую. Гексафторид урана – это химически активное вещество, и в этом действительно и есть проблема. При соединении с воздухом возникает фтористый водород, выделяется, которое вещество крайне неприятное, это безусловно факт, и это безусловно правда. Мы должны понять, что нам с этим делать. Зафиксировать еще раз, что мы с вами на одном языке говорим. Все, что делается на АЭХК по хранению отвального гексафторида, является абсолютно законным, полностью соответствующим всем нормам хранения и в России, и за рубежом. В докладе, собственно, только что были показаны фотографии, сейчас с собой набрал целую кучу фотографий – везде в мире хранится так, везде бочки находятся на открытом хранении, так просто безопасней и удобней для контроля. Везде без исключения. Поэтому ровно так происходит и здесь.

Тем не менее, что-то с этим надо делать. Мы считаем, что нужно перевести этот гексафторид в безопасную форму. Два варианта, не буду повторяться: закись-окись – по французской технологии, которую сейчас обрабатываем. Мы купили у французов, американцев... Купили какую-то технологию у французов, на ЭХЗ мы это делали. Вторая – российская технология. Сказать заранее, какая лучше – трудно сказать, есть у нас надежда, что российская будет несколько дешевле, по крайней мере хочется верить, оценочные параметры были, что переработка 1 кг по нашей технологии стоит в 2 раза дешевле, не помню сколько... 14 рублей, а по французской – около 30 рублей. Соответственно, вот так примерно выходит. Поэтому мы должны допустить технологии, которые позволили бы нам все эти перевести – весь запас урана в тетрафторид урана, либо в закись-окись урана. Как только мы это делаем, – у меня ответственная позиция, и заключается в том, что я для себя считаю, что мы сняли все вопросы, связанные с безопасностью Ангарского комбината, – вообще говорить о какой-либо опасности расширения его производства или чего бы то ни было, с нашей точки зрения, становится бессмысленным. Поскольку по всем остальным показателям, если мы говорим об уровне бригад, мощное производство, значит какой-то вклад в выбросы оно, конечно, и оказывает.

До этого [доли] Ангарского комбината [в] негативных выбросах в Ангарске, в городе, составляли около 2%, это примерно в 250 раз меньше, чем нефтехимический комбинат, и в 200–220 раз меньше чем ТЭЦ, любая из ТЭЦ. Вклад в это разделительного производства, то есть обогащения урана, которое мы собираемся развивать, – 6% от этого. В процентах это 0,006, примерно в 7000 раз меньше, чем нефтехимия, и в 5000 раз меньше, чем любая ТЭЦ. Дальше по выбросу урана: ТЭЦ сжигают уран, сжигая уголь – в любом присутствует микрочастички урана; выброс в воздух мелких дисперсных частичек урана у ТЭЦ в 20-30 раз больше, чем у всего Ангарского комбината, который специально этим занимается. Так построены технологии, и так построена система очистки, на этом все построено.

Что нужно делать для перехода в безопасную химическую форму... На сегодняшний день мы должны совершенствовать систему хранения. Большой тайны не открою, степень ненадежности контейнера невысокая, контейнер при проверке сбрасывают на бетон с десятиметровой высоты. Это базовое требование к контейнеру для хранения гексафторида, так что разбить его не так-то просто. Тем не менее, понятно, что идет постоянный мониторинг состояния этих контейнеров, я, к сожалению, не могу назвать количество контейнеров, в которых находится количество гексафторида. Раньше этот вопрос постоянно задавали по телефону работникам предприятия. Не мучьте их, пожалуйста, они не скажут – не потому, что не хотят, а потому, что, к сожалению, по действующему законодательству это государственная тайна.

Могу уточнить, почему это государственная тайна: потому что любой [откроет] секрет, зная количество отвала. Так, к сожалению, осталось, придираться здесь достаточно сложно, потому что обогащательные комбинаты были самыми закрытыми объектами в истории СССР. Это понятная вещь, и так было всегда, беспрецедентная вещь то, что принято решение по Ангарску, когда Ангарский Химкомбинат впервые в истории Советского Союза и России выведен из списка особых режимных предприятий. Такого прецедента не существовало в истории. Всегда существовало особо режимное предприятие, на котором засекречено все – на всякий случай. Поэтому тут есть, что секретить: технология обогащения урана – действительно секрет в первую очередь; коммерческий секрет – во вторую очередь, даже если будут пересматривать какие-то нормы, что там было, если бы вывод из особо режима. У нас ряд данных закрыт, мы надеемся, станет открытым, когда мы сможем спокойно решить эту проблему. Конечно, это не значит, естественно, что комбинат [станет] прозрачным, тут [такое] невозможно, поскольку технология обогащения уникальная, российская, которую мы никому не покажем! Кстати, не имеем права по международным нормам. Технология второго применения: если я имею технологию обогащения урана, я могу обогатить и определить до уровня энергетической атомной станции, могу обогатить в центрифугах побочно; не так просто, но, в общем, специалист сделает. Значит, [могу] получить ядерную бомбу. Эти технологии никогда, никому не будут показаны, поэтому, естественно останутся секретом.

Вопросы, беспокоящие с точки зрения экологии, честно говоря, никакой секретностью не являются, что можно показывать сейчас, по поводу снятия грифа. Поэтому не могу сказать количество контейнеров, но могу сказать, что количество из них, даже так, они не разгерметизированы, поскольку постоянный контроль. Служба контроля выявляет контейнеры, которые надо передать, [или] которые надо заменить, потому что возникает риск – которые перестают отвечать требованиям. То есть толщина стенки стала другой, напряжение возникло. Есть риск, что с ним что-то должно произойти. Это тысячные, десятитысячные доли от общего количества, чтобы было понятно, какой масштаб, – в общем, совсем мало. Тем не менее, контроль будет постоянно продолжаться.

Надо срочно ускорять работы по запуску, который был обрисован здесь в презентации. Тот темп, который был запланирован, меня категорически не устраивает: нормально [он] заработает к 2012 году; считаем, что это должен быть 10, самый край – начало 2011 года. Сейчас объясню почему. Потому что нам это позволит при принятии решения развития нового производства гарантировать, что никакого увеличения отвалов на Ангарском происходить не будет, никакого увеличения отвалов происходить не должно. Мы понимаем, что мы за 1 день не разгребем те массивы отвалов, что [остались] нам сегодня, но мы можем гарантировать, что они, как минимум, перестанут расти [при вводе] новых мощностей, и за какой-то период времени мы их попробуем перевести в химически безопасную форму. Но это надо запускать установку, как минимум, на 2–1,5 года раньше, до пуска новых мощностей, которые в Ангарске должны возникнуть.

Теперь с мощностями. Есть 2 проекта, которые [предусматривают] программу развития самого комбината, о которой я уже сказал.

Первая. Пресловутый международный центр по обогащению урана. Значит, давайте сразу зафиксируем: ни одной новой центрифуги, ни одного килограмма дополнительного переработанного урана, ни одного килограмма вновь появившихся отходов создание международного центра за собой не влечет. Поэтому когда стоит вопрос: "а почему вы делаете за спиной общественности международный центр, не проводя экологическую экспертизу", ответ довольно простой: нечего экспертировать. Нормальные эти документы направили в Ростехнадзор, получили ответ: "экологической экспертизе подлежит производство, а вы не создаете производство". Экспертировать организационно-правовую форму невозможно. И с точки зрения общественной экспертизы, и с точки зрения экологической экспертизы, и с точки зрения технической экспертизы предмета нет. Что такое международный центр? Международный центр – это специально созданная Российской Федерацией, по инициативе президента России, организационно-правовая форма, которая имеет большой и очень серьезный смысл с точки зрения режима безопасности в мире. Международный центр – это способ обеспечить гарантии нераспространения ядерного оружия в мире. Почему это происходит? Целый ряд стран принимает решения: им нужна атомная энергетика, не обеспечивать свою безопасность. Собираются строить атомную станцию. Теперь им надо топливо для атомной станции. Уран на своей территории многие из них находят, не какой-то редкий материал, продают спокойно. Значит, дальше им говорят, [что] топливо [они] купят у стран, которые его производят.

Мы не можем так рисковать. Атомная станция не должна остановиться, я должен быть уверен. А если мне не продадут? Интересное требование, когда производители не продали мне топливо. И что мне делать с этим? Я хочу иметь свое собственное производство, но свое собственное производство – это проблема вторичного использования. И как только какая-то страна создала технологию обогащения, по-разному происходит. Иран

говорит: "я создаю центрифугу обогащения, чтобы обогащать [для] урановой энергетики". Мировое сообщество говорит: "сомневаемся". Они опасаются: а не дай бог, [Иран] решит использовать его для собирания бомбы, – а каркас тот же самый. Пожалуйста, центрифуга та же самая. Опасно!

Поэтому что сделал президент России: все страны, обладающие 5% запасов для обогащения мощностей, берут на себя ответственность, чтобы создать механизм доступа – но не к технологии, а к гарантированной услуге по обогащению урана. Что мы делаем? Мы создаем в Ангарске Международный центр. Почему в Ангарске? Причины следующие: единственный комбинат создан в открытом городе, три остальных комбината в закрытых административно-территориальных образованиях. ЗАТО так называемые.

Второе: Ангарск не производил, и не производит никакого [оружия] вообще, нечего защищать особенно с военной точки зрения.

Третье – один из самых современных комбинатов, потому что модернизация шла в 90-е годы, и он сделан наиболее современным образом.

В-четвертых – безопасность; когда делали в 50-е года под обогащение, это огромные цеха пустые, в которых все коммуникации подведены, все сделано на сегодняшний день, все остальное производство, в большом цехе и помещается. Значит, у нас есть еще свободные площади, где это можно еще сделать. И очень квалифицированный с научно-технической точки зрения, с точки зрения кадрового состава персонал. Вот набор факторов, который говорит о том, что правильнее сделать в Ангарске. Поэтому принято решение выделить Ангарский комбинат из списка особо режимных.

Впервые в истории направили уведомление в МАГАТЭ, что мы готовы поставить под гарантии МАГАТЭ. Экспертная работа со специалистами МАГАТЭ, в какой форме будут осуществлять контроль, гарантии. Сидеть и смотреть они там не могут. Отработана мировая система формы контроля, который обычно контролирует приход материалов, уход материалов, соблюдение правил безопасности, технологических цепочек, позволит быстрее закончить. Уведомление им уже направили, в смысле, решение о постановке под контроль, гарантии МАГАТЭ мы уже совершили. Беспрецедентного решения в истории не было. Учреждали международный центр, пока его учредителем выступила РФ и Казахстан. 90% акций принадлежит России, 10% – Казахстану. Почему 90 у нас – потому что контрольный пакет мы оставляли всегда, это вопрос ответственности и безопасности, за нормальное развитие. А вот эти запасы – между 90 и 51, – это должны быть запасы стран присоединения. Позавчера здесь была делегация Украины, которая готова подписать соглашения и присоединиться к международному центру, аналогичное заявление сделал президент Армении, ну еще сейчас 3-4 страны, с которыми мы ведем переговоры.

Летом тропиться никуда не собираемся. Здесь сам факт по возможности. Вы хотите создать атомную энергетику, вы хотите иметь гарантии, что получите доступ к обогащению урана, не создавая его на своей территории? – Пожалуйста, вот специально организационно-правовая форма, акционерное общество в котором можно купить небольшой пакет акций, это акционерное общество создано при Ангарском комбинате, имеет договор с Ангарским комбинатом, по этому договору гарантировано получаете услуги по обогащению, и с этого вы получите гарантированное обогащение. Вы получите часть прибыли от этой деятельности. Единственное, чего нет – это открытая информация о хозяйственной деятельности; это значит, что по услуге, по которой вам оказывается по справедливости, справедливым правилам и справедливым ценам, единственное, что вы не будете иметь – доступ к технологиям обогащения. Это для вас будет черным ящиком, как у самолета: что внутри происходит, мы вам не покажем. Это закрытая технология.

Смысл международного центра, который существует, еще раз: ни одной центрифуги дополнительно для международного центра создаваться не будет, следовательно – никаких разговоров о всех этих отходах, [что он] увеличит опасность. Опасность существует только теоретическая, только по химии и по отвалам. Ядерно-радиационная здесь тем более не появится, здесь химическая не появляется. Вся схема работы международного центра.

Теперь второе. Вопрос: "Ага, нас обманули, пообещали инвестиции, а оказывается – ничего не сработало". Значит, не совсем так, это просто два разных проекта. Но теперь третий проект. Первый проект у нас модернизация самого Ангарского химического комбината. Второй проект – международный центр. Это достаточно интересный проект. Собственно потому, что не везде были. Интерес к международному центру по обогащению урана – огромный во всю, но самое главное, что я понимаю – нет права своему отечественному. Поэтому, чтобы ни говорили наши эксперты, им общественные организации на всякий случай никогда не поверят. Появляется тот же самый вопрос к экспертам МАГАТЭ. Лишний контроль точно не помешает. Означает большую открытость, больший порядок. Вот не выведя из списка особо режимных, не сделав

постановку под гарантию МАГАТЭ, никогда в жизни не были бы возможны экскурсии, типа которой мы проделали для представителей прессы и экологических организаций. Теперь это будет делаться постоянно, потому что доступ возможен, это уже совсем другой уровень вещей. Поэтому с международным центром закончили.

Теперь третий проект, который мы хотим реализовать в Ангарске. С виду не изменишь, название неудачное, название очень созвучное. Международный центр по обогащению урана называется сокращено МЦОУ, а совместное предприятие называется ЦОУ – центр по обогащению урана. Носит субъективный характер. Что такое ЦОУ? Это совместное предприятие, которое мы создали с Казахстаном. Собственно, мы создали два совместных предприятия: мы создали предприятие 50 на 50 по добыче урана в Казахстане, первый уран начали добывать в декабре этого года на совместных [началах] – Заречная. Мы будем добывать 6 тысяч тонн урана примерно на территории Казахстана. Общие запасы, которые мы там получили за счет совместного предприятия, – 163 тысяч тонн. Это, в общем, нагрузка для Ангарского комбината надолго и надолго. И второе: мы делаем совместное предприятие в Ангарске на свободных площадях, [это] не имеет отношение ни к заводу, ни к МЦОУ. Это отдельный проект. На свободной территории мы хотим построить 5 миллионов гидро – это в 2 раза больше, чем сегодняшней Ангарский комбинат. В 1,5 раза больше, чем новый комбинат (это будет 4,2) – и в 2 раза больше, чем сегодняшней (2,6).

Что это будет стоить. Это стоит минимум 2,5 миллиарда долларов. Оценка предварительная, но довольно точная: мы знаем, сколько стоит устанавливать мощности. У нас есть контракт с Китаем, продаются, цена у них от 500 миллионов до 1 миллиарда за миллион гидро в мире. Считаем, что строим для себя, и у нас хорошие технологии в этой части: Росатом [ведет] контроль за предприятиями, которые производят центрифуги. В свое время умудрились даже в частные руки продать, была такая история. Это к вопросу секретности. В Ангарск не зайдешь, предприятие, которое производит центрифуги, было частным. Но сейчас, слава богу, вернули обратно. Собрали назад предприятия, занимающиеся производством центрифуг. Контролируют все конструкторские бюро центрифуг необходимых объемов. Мы понимаем, что мы в состоянии сделать это за 0,5 миллиарда долларов, за миллион евро. Получается минимум 2,5 миллиарда долларов только центрифуги. А еще же инфраструктура должна обрабатываться. Поэтому чуть больше. По самым скоромным [подсчетам], если считать только разделительные производства, то это две с лишним тысячи рабочих мест. Только под разделительное производство с Казахстаном, ни про что больше. Этот проект, очевидно, конечно должен проходить через экологическую экспертизу, через общественные слушания, технологическую экспертизу. И если он не пройдет какие-то из этих экспертиз и слушаний, он не начнет реализовываться. Совершенно точно, никаких сомнений в этом нет, это абсолютно очевидная вещь и, естественно, будет сделано.

Сроки. Мы рассчитывали на то, что первая часть из 6 миллионов гидро должна заработать – 1 миллион гидро – должна заработать в 2012 году. Пять лет. Проект 1; предварительно его подготовили. Сделали, заказали проект, идет работа соответствующая, определили тип центрифуг, с которых будет начинаться. В общем, проект двигается. Для того чтобы выдвигать соответствующие экспертизы потом, должны сделать весь набор той документации, которая требуется. Предварительно обосновать инвестиции. Предварительно технические данные. Опять вопрос соответственно в проекте.

Теперь возвращаясь к проблеме отвального гексафторида. Это то, почему я поставил задачу руководству комбината, что мы должны не [откладывать установки] по выстойванию, а запустить раньше 2010-11 гг. Чтоб пустить ее за год-полтора до выхода на мощность новых мощностей. Если мы не сделаем, значит, гексафторид начнет прирастать, этого допускать нельзя. Значит, мы должны успеть убедиться – там есть, что перерабатывать, из того, что лежит на площадке. Может, уже накопилось, и при этом мощность установок по выстойванию должна существенно превышать мощности накопления отвального гексафторида. Мы должны гарантировать, что с пуском новых мощностей мы не будем увеличивать запасы гексафторида, а будем их наоборот потихонечку вывозить. Правда, приводить в более приемлемую, конечно, удобную форму. Вот задача, которая перед нами стоит.

Собственно, вот так выглядят проекты, которые существуют в Ангарске, ну, кроме того, мы подписали соглашение с губернатором. Смысл этого соглашения в том, что, во-первых, это сотрудничество – часть инвестиций, приносит серьезные инвестиции и новые рабочие места, довольно серьезные за весь период деятельности. Во-вторых, это будущее Ангарского Химического комбината. Он у нас самый маленький. Существенно более маленький, чем лидеры этой отрасли. Поэтому эта программа позволяет иметь ему хорошее будущее и хорошую перспективу – и гарантии. Это современное высокотехнологическое производство, потому что понятно, что мы все эти проекты на благо Ангарского комбината. Делаем по самым современным последним технологиям. Сейчас самый молодой комбинат будет у нас самым современным.

Новым комбинатом в системе Росатома. Это серьезные научно-технологические вложения.

Далее, мы исходим из того, что для нас Ангарск становится приоритетным проектом. Для нас крайне важным является то, о чем мы сейчас договорились с губернатором. Для нас крайне важной является вся инфраструктура, уровень квалификации людей, система подготовки кадров МАГАТЭ, которая в этом участвует, экологический мониторинг. В частности, мы договорились сегодня: Ангарский комбинат – единственное предприятие в Иркутской области имеет автоматизированную систему контроля радиационной обстановки. Остальные... В общем, рабочее предложение губернатор поддержал. Соответствующее поручение руководству комбината я дал. Оно попытается вывести данные этой системы, Интернет-материалы, чтоб любой житель Иркутской области мог открывать и посмотреть уровень; 10 датчиков по радиационному фону, в городе стоят датчики, стоят датчики по этому самому фтористому водороду, на всякий случай, вдруг идет куда-то фтористый водород – не идет куда-то. Мы хотим, чтобы это было, у нас мониторинг по времени, был вынесен Росатомом, в жилом микрорайоне здесь поблизости. Но не каждый в Иркутской области может доехать до жилого микрорайона и посмотреть, что там на табло. Эта информация абсолютно не секретная, открытая, считается, чем большее количество людей будет знать, тем спокойнее они будут себя чувствовать. Это правильная вещь. Кроме того, мы предложили заключить соглашения с губернатором о том, что мы будем представлять администрации области всю открытую информацию о вопросах, связанных с безопасностью.

Более того, наш опыт работы по мониторингу измерений. Понятно, что в силу специфики производства у нас уникальный опыт, который мы сегодня посетили на Ангарском комбинате. Оказать содействие и помочь сформировать хорошую экологическую лабораторию в Иркутске по контролю по ситуации на Байкале, степень точности наработки. Мониторинг у нас очень высокого уровня точности, это будет, безусловно, полезно. Программу подготовки кадров, естественно, что при нормальном развитии предприятия, нормальных заработных платах, я не стану сейчас обещать какие-то горы социальных благ, которые польются на Ангарск. Это не совсем будет правдой, но точно могу сказать, что в местных газетах прочитал, что, мол, сейчас создадутся, а потом перерегистрируются в Москву, а потом убегут... Никто никуда не убежит. Базовые условия Ангарского комбината регистрируют в Москве, какие проблемы, не имеет производства. Тем не менее, мы считаем принципиально важную вещь: МЦОУ регистрируется в Ангарске, и ЦОУ регистрируется в Ангарске, и Ангарский химкомбинат, сколько он существует, всегда был зарегистрирован в Ангарске. Даю 100% гарантии, это даже не обсуждалось, не будет обсуждаться. Мы заинтересованы в том, чтобы здесь бюджет получал деньги, иначе у нас не будет инфраструктуры высокотехнологичной. Требуется серьезная инфраструктура, если не будет этой инфраструктуры – не будет на нее денег, то не сможем здесь работать. Поэтому все налоги останутся здесь, абсолютно гарантированная вещь.

Схема понятна. Сегодня у комбината нет денег, потому что за счет добывающих предприятий и за счет обогатительных комбинатов дотируется цена за электроэнергию. Что происходит: по контракту за рубежом низкообогащенный уран поставляет по мировой цене, а по контракту для производства топлива для атомных станций в России они поставляют его по заниженной цене. За счет этого производится более дешевый [топливный] элемент, который является топливом для атомных станций. За счет этого более дешевая энергия атомных станций размещается в электроэнергии в стране и обеспечивается социальная защита. Иначе нельзя [распределять] электроэнергию в стране, для того чтобы обеспечить рентабельность обогатительных комбинатов в стране. Социальная защита не достает электроэнергии, они дешевле, чем мировые, существенно. В это важнейший вклад вносит атомная энергетика. Гидроэнергетика и атомная – самые дешевые. Мы понимаем, что двигаться в эту сторону будем, с учетом атомной программы и с учетом принятого правительством РФ решения о том, что 1 января 2011 г. в стране произойдет, – за 4 ближайшие года с 2007, – произойдет плавный переход к рыночному формированию тарифов на газ и электроэнергию. Соответственно, 1 янв. 2011 г. тарифы на электроэнергию будут формироваться рынком, а не кем-то устанавливаться. Что позволит нам с запасом год-два контракты заключать вперед, реально к 2011 нет, а к 2012-13 гг. мы должны выйти на то, что контракты АЭХК на поставку низкообогащенного урана в Россию и поставки низкообогащенного урана за рубеж должны быть одинаковы по ценам. Что значит – командовать и создавать; должна быть нормальная заработная плата, и кто-то должен платить нормальные налоги в местные бюджеты. Мы должны вместе развиваться.

Автор: Артур Скальский © Babr24.com ЭКОНОМИКА, ИРКУТСК 13243 08.08.2007, 01:09 1642  
URL: <https://babr24.com/?ADE=39236> Bytes: 34736 / 34725 Версия для печати Скачать PDF

 [Порекомендовать текст](#)

Поделиться в соцсетях:

## **ДРУГИЕ СТАТЬИ В СЮЖЕТЕ: ["РОСАТОМ И ЯДЕРНАЯ ЭНЕРГЕТИКА"](#)**

Также читайте эксклюзивную информацию в соцсетях:

- [Телеграм](#)
- [Джем](#)
- [ВКонтакте](#)
- [Одноклассники](#)

Связаться с редакцией Бабра в Иркутской области:  
[irkbabr24@gmail.com](mailto:irkbabr24@gmail.com)

Автор текста: **Артур  
Скальский.**

### **НАПИСАТЬ ГЛАВРЕДУ:**

Телеграм: [@babr24\\_link\\_bot](#)  
Эл.почта: [newsbabr@gmail.com](mailto:newsbabr@gmail.com)

### **ЗАКАЗАТЬ РАССЛЕДОВАНИЕ:**

эл.почта: [bratska.net.net@gmail.com](mailto:bratska.net.net@gmail.com)

### **КОНТАКТЫ**

Бурятия и Монголия: Станислав Цырь  
Телеграм: [@bur24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [bur.babr@gmail.com](mailto:bur.babr@gmail.com)

Иркутск: Анастасия Суворова  
Телеграм: [@irk24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [irkbabr24@gmail.com](mailto:irkbabr24@gmail.com)

Красноярск: Ирина Манская  
Телеграм: [@kras24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [krasyar.babr@gmail.com](mailto:krasyar.babr@gmail.com)

Новосибирск: Алина Обская  
Телеграм: [@nsk24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [nsk.babr@gmail.com](mailto:nsk.babr@gmail.com)

Томск: Николай Ушайкин  
Телеграм: [@tomsk24\\_link\\_bot](#)  
эл.почта: [tomsk.babr@gmail.com](mailto:tomsk.babr@gmail.com)

Прислать свою новость

### **ЗАКАЗАТЬ РАЗМЕЩЕНИЕ:**

Рекламная группа "Экватор"  
Телеграм: [@babrobot\\_bot](#)  
эл.почта: [equatoria@gmail.com](mailto:equatoria@gmail.com)

### **СТРАТЕГИЧЕСКОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО:**

эл.почта: [babrmarket@gmail.com](mailto:babrmarket@gmail.com)

Подробнее о размещении

[Отказ от ответственности](#)

[Правила перепечаток](#)

[Соглашение о франчайзинге](#)

[Что такое Бабр24](#)

[Вакансии](#)

[Статистика сайта](#)

[Архив](#)

[Календарь](#)

[Зеркала сайта](#)